

На правах рукописи

Тенсин Максим Владимирович

**ФЕНОМЕН «НЕОТРИБАЛИЗМА» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Ижевск 2006

Работа выполнена в ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: **Владыкин Владимир Емельянович**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Смирнова Светлана Константиновна**
доктор политических наук

Чагин Георгий Николаевич
доктор исторических наук, профессор

Ведущая организация: ГОУВПО «Башкирский государственный университет»

Защита состоится «31» октября 2006 года в «10-00» часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.01 при ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская 1, корпус 2, 411 аудитория.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» (426034, г. Ижевск, ул. Университетская 1, корпус 2)

Автореферат разослан «29» сентября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к. и. н., доцент

Г.Н.Журавлева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Актуальность исследования. В современных условиях актуализируется и приобретает большой научно-практический интерес проблема «старых» традиционных социальных институтов, восходящих своими истоками еще к родо-общинным отношениям, но продолжающих активно функционировать. Среди этих институтов одно из основных мест занимает такое сложное по своей природе явление как трибализм/«неотрибализм» (от лат. *tribus* – род, племя). Его существование во многом обусловлено противоречивым взаимодействием вызовов модернизации/глобализации и ответами на них современного общества, объективно ведущим к существенному росту роли этнического и конфессионального факторов в политической сфере. Кроме того, полиэтничность большинства современных государств сложно сопрягается с крайне неравномерным социально-культурным и экономическим развитием отдельных этносоциальных групп, а также с их разноуровневыми и несовпадающими интересами.

Существование «неотрибализма» обусловлено самой социальной природой человека, который, как и прежде, несмотря на ярко выраженную индивидуализацию, своей «социальной пуповиной» неразрывно связан с обществом, и поэтому всегда включен в широкий этносоциальный контекст. Через систему стабильных социальных связей происходит оформление этносоциальных групп, в социально-психологическом отношении всегда конституирующихся через противопоставление «мы» и «они». Именно отсюда вытекает и сохраняется устойчивое противостояние «свои – чужие» в современной этнополитической жизни, отражающееся в существующей этносоциальной и этнополитической стратификации общества. Включение в систему этих связей обеспечивает представителям различных этнических или социальных объединений дополнительные преимущества в условиях жесткой межгрупповой конкуренции. В определенной степени этому способствует и наличие общих интересов и потребностей, выступающих важными и устойчивыми признаками формообразования.

В основе исследования феномена «неотрибализма» лежит тезис о сохранении принципов формирования институтов власти, воспроизводящих оптимальную модель внутригрупповых отношений, характерных для общества на ранних этапах его развития. Однако в настоящее время можно наблюдать переход от кровнородственной основы воспроизводства трибализма/«неотрибализма» к социально-территориальной. Сейчас, наравне с родственными, системообразующими во властной сфере выступают «земляческие», «корпоративные», «профессиональные» и аналогичные факторы, способствующие формированию широкой сети «патрон-клиентных», глубоко традиционных по своей сути отношений.

Однако в отличие от традиционного общества, в котором родовые (клановые) и племенные связи носили всеобщий характер, в условиях современности эти апробированные еще в условиях первобытности принципы социальной организации фактически культивируются в

деятельности правящих групп, объединенных общностью интересов, направленных на обладание политической властью.

Объектом диссертационного исследования является феномен «неотрибализма» в контексте этнополитической жизни.

Предмет – «неотрибализм» как этносоциальный институт современного общества, в значительной мере детерминирующий воспроизводство и функционирование политической элиты на трех основных типологических уровнях: международном, отечественном, региональном.

Территориальные границы исследования охватывают три уровня: международный (на примере США), отечественный (Россия) и региональный (Удмуртия). В настоящее время этнополитическое развитие США в целом адекватно отражает глобальные тенденции этнорасовых, этноконфессиональных, этнодемографических процессов, претендуя в некотором роде на мультикультурную модель мира будущего. Тенденции этнополитической жизни США демонстрируют все более возрастающее и непреходящее влияние этничности на все сферы жизни американского социума и связанные с этим сложные коллизии. На отечественном уровне наблюдаются иное отношение к аналогичным вызовам современности, внешне связанное с отказом от этничности, декларированием принципа нации-согражданства и фактическим использованием концепции «плавильного котла» в качестве замены полноценной национальной политики. Удмуртия – один из типичных регионов России, в какой-то мере это сама многонациональная, поликонфессиональная, мультикультурная Россия в «удмуртской» миниатюре. Таким образом, становится возможным всесторонний, разноуровневый анализ феномена «неотрибализма».

Хронологические рамки охватывают последнее десятилетие XX и начало XXI в как наиболее динамичный период развития современного мира. В отдельных случаях используется историко-ретроспективный анализ для получения представлений об истоковых причинах изучаемого явления и сопряженных с ним проблем. Для выявления «генетических» основ «неотрибализма» в современной России значительное внимание уделено становлению и эволюционированию правящих групп в Советском Союзе, начиная с послевоенного периода.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественной науке роль первопроходцев в изучении трибализма, как правило, принадлежала в первую очередь этнографам, занимающимся африканской проблематикой. Устойчивый научный интерес к трибализму сформировался в 50 – 60-е гг. XX в., после начала процесса освобождения от колониальной зависимости африканских государств, а сам термин «трибализм» был заимствован из работ американских, английских и французских политантропологов (G. Bennet, M. Gluckman, I.C. Mitchell, L. Sylla, M. Fortes).

Впервые в отечественной науке трибализм был охарактеризован в монографии В.Б. Иорданского [Иорданский, 1970], посвященной социально-экономическому и политическому развитию ряда африканских государств в период деколонизации. Позднее трибализм и порождаемые им последствия

привлекли внимание Р.Н. Исмагиловой при изучении этнических процессов [Исмагилова, 1973] и Я.Я. Этингера, рассматривавшего национальную консолидацию в постколониальный период в Африке [Этингер, 1972].

Как социальный институт современного африканского общества трибализм был описан Ж. Мампуйей, исследование которого было специально посвящено трибализму [Мампуйя, 1981].

Основатель отечественной потестарно-политической этнографии Л.Е.Куббель связывал трибализм с оживлением нежелательных свойств потестарной традиции в колониальном и постколониальном африканском обществе [Куббель, 1979, 1988]. В монографии И.М. Меликсетовой были исследованы вопросы сохранения и воспроизводства трибализма в процессе модернизации традиционных социальных структур и национальной интеграции в полиэтничном обществе [Меликсетова, 1985]. И.Т. Катагощина отвела трибализму одно из центральных мест среди идейно-политических течений в нигерийских университетах [Катагощина, 1991]. В.В. Бочаров считал трибализм объективным и закономерным феноменом, отражающим взаимодействие различных политических культур [Бочаров, 1992]. Позднее Л.И. Данилов проанализировал влияние трибализма на социально-политическое развитие Иордании [Данилов, 1999].

Следует выделить своеобразную тенденцию, которая берет начало в коллективной монографии «Национализм в современной Африке» [1983], связанной с пониманием трибализма как предтечи этноцентризма и этнонационализма. Свое законченное выражение она находит в трудах Н.И.Высоцкой [Высоцкая, 1996, 2003].

Характеризуя трибализм, исследователи (кроме И.М. Меликсетовой), отмечали его тесную связь с сохранением традиционной родоплеменной структуры и негативную роль в полиэтничном обществе (за исключением Л.И. Данилова). Вместе с тем, они приходят к выводу, что трибализм широко используется представителями политической элиты для внутренней консолидации и достижения своих политических интересов. Специалисты едины в том, что трибализм – один из важнейших факторов современной этнополитической жизни в странах Тропической Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и тесно сопряжен с институтами публичной власти. Однако, в большинстве своем, они не рассматривают функционирование института трибализма за пределами этих регионов, отказывая ему в универсальности.

Поскольку «неотрибализм» как социально-политический институт современного общества изучается, прежде всего, в рамках формирования и деятельности правящих групп, в диссертации были использованы основные положения элитологии, способствующие объяснению отдельных аспектов изучаемого явления, связанных с существующими закономерностями функционирования политической элиты.

Значительный вклад в изучение исторической динамики этнических процессов в США принадлежит М.Я. Берзиной, Ш.А. Богиной, А.Д. Дридзо, И.Ф. Хорошаевой, А.Н. Шлепакову. Этнический компонент в структуре

американских правящих групп рассматривался в исследованиях И.А.Геевского, Э.Л. Нитобурга, С.А. Червонной, Э.Д. Лозанского. Закономерности функционирования американской политической элиты отражены в работах Р. Миллса, Н.А. Сахарова, В.Н. Гарбузова, Н.А.Долгополовой, Н.В. Загладина, Н.М. Травкиной.

В советский период отечественные исследователи большое внимание уделяли общим вопросам власти и властвования, изучению механизмов господства и подчинения, анализу причин и негативных сторон концентрации власти в руках узкого круга лиц в «буржуазных обществах». Существующие идеологические ограничения преодолевались в дозволенном формате критики различных «буржуазных концепций» власти (Н.М.Кейзеров), политического лидерства и элитологии (Г.К. Ашин), правящих групп (М.А. Чешков) в научный оборот вводились теоретические модели и факты.

Завершение советского периода отечественной истории было отмечено появлением работ, посвященных изучению власти и политической элиты в самом Советском Союзе. Прежде всего, это монография М.С.Восленского [Восленский, 1991] и капитальный труд Р.Г. Пихои [Пихоя, 2000].

Значительный вклад в становление этнополитологии и разработку соответствующей проблематики в СССР и РФ внесли Р.Г. Абдулатипов, М.Н.Губогло, Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, Г.В.Старовойтова, С.К.Смирнова. Особо выделяется уникальная серия «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» (автор проекта и отв. ред. М.Н. Губогло), осуществляемая Институтом этнологии и антропологии РАН (более 100 выпусков). Изучению трансформирующейся политической элиты и внутриэлитным процессам посвящены труды Г.К.Ашина, М.Н. Афанасьева, О.В. Крыштановской, О.В. Гаман-Голутвиной, Е.В. Охотского, А.В. Понеделкова, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, Н.Ю. Лапиной, Е.Б. Шестопал, А.В. Макаркина, М.Ю.Мартыновой.

Этнополитическая проблематика в Удмуртии весьма обстоятельно и с новаторских позиций освещена в многотомном, не имеющем аналогов в России исследовательском проекте «Феномен Удмуртии», под руководством М.Н. Губогло и С.К. Смирновой. Внимание вопросам этнополитического развития Удмуртии уделено в работах К.И. Куликова, Л.С. Христороубовой, С.Л. Бехтерева, К.А. Пономарева, Г.К. Шкляева, А.А. Шепталины и др.

Что касается политической элиты, то в Удмуртии ее изучение только начинается. Среди немногочисленных исследований необходимо выделить раздел, посвященный Удмуртии, написанный И.В. Егоровым и К. Маццато в исследовательском проекте «Регионы России. Хроника и руководители» [2000] и коллективный сборник биографических очерков «Номенклатура» [2005], посвященный анализу политической элиты республики на уровне отдельных персоналий.

В целом, говоря об историографии исследования, можно констатировать, что с одной стороны имеются довольно многочисленные труды, в которых, в той или иной степени, затрагиваются проблемы,

корреспондирующие с институтом трибализма, с другой – это явление до сих пор практически не становилось предметом специального исследования и, по существу, все еще остается своеобразным феноменом.

Цель исследования – анализ феномена «неотрибализма» в процессе формирования и деятельности правящей элиты в современной этнополитической жизни США, РФ, УР.

Исходя из цели исследования, в работе решаются следующие основные задачи:

1. Обобщить теоретические основания изучения трибализма и охарактеризовать проблемы, связанные с эволюцией этого социально-политического института в условиях современных модернизационных и глобализационных процессов;

2. Выявить влияние этнического и конфессионального компонентов на современную политическую жизнь в контексте вопросов, связанных с изучением электорального поведения, этносоциального представительства и этнической мобилизации;

3. Рассмотреть современную политическую элиту в системе «неотрибализма», определить этноконфессиональные и этносоциальные параметры ее институализации и деятельности;

4. Охарактеризовать механизм проявления «неотрибализма» в оформлении и функционировании органов власти и управления, а также в ходе выработки и осуществления государственного курса.

Источниковая база исследования. В настоящее время в научный оборот введен значительный объем материалов, в той или иной степени характеризующих трибализм и традиционные институты власти на теоретическом уровне. В то же время можно говорить об относительной немногочисленности этих работ и их территориально-хронологической ограниченности. Этот недостаток в работе восполняется путем широкого привлечения и использования новейших фактических данных как этнографического, политико-правового, так и этносоциологического характера. В работе используются несколько групп источников.

Среди опубликованных – основное место занимают работы отечественных и зарубежных этнологов, политантропологов, политологов (отраженные в историографии), материалы СМИ и сети Internet, содержащие фактические данные. Среди них: биографические характеристики ведущих политических деятелей, этносоциальные компоненты электорального поведения, электоральная статистика, тенденции развития национальной политики. Эти данные позволяют комплексно охарактеризовать феномен «неотрибализма» на современном этапе.

Вторая категория – нормативно-правовые акты (конституции и законы, акты правительств и президентов, уставы общественных объединений). Их совокупность помогает объяснить вопросы, связанные с формированием органов власти и управления, сравнить и проанализировать уставные цели и задачи национальных общественных объединений, оценить характер их деятельности.

Неопубликованные данные составляют третью группу источников. К ней относятся материалы этносоциологического исследования, проведенного автором летом 2005 г. в Удмуртской Республике, освещающие отдельные аспекты этнополитической культуры в современной Удмуртии.

Методология исследования основана на междисциплинарном подходе, с использованием как общенаучных, так и частнонаучных методов этнологии, политической антропологии, этнополитологии, политологии (элитологии), права, социологии. Подобный методологический подход обусловлен тем, что в отечественной и зарубежной науке трибализм и сопряженные с ним явления изучались, прежде всего, в рамках потестарно-политической этнографии, политической антропологии и этнополитологии. Теоретической основой диссертации стали концептуальные труды Л.Г.Моргана, Ю.В. Бромлея, В.А. Тишкова, М.Н. Губогло, Л.Е. Куббеля, Ж.Мампуйи, В.В. Бочарова.

В этой связи основными методами исследования были этнографические – сравнительно-исторический (историко-генетический), позволивший выявить общее и особенное изучаемого явления на трех типологических уровнях, обозначенных в работе, обусловленность «неотрибализма» этническими, конфессиональными, культурными характеристиками исследуемых обществ. Осмысление локально-региональных аспектов трибализма/«неотрибализма» стало возможно благодаря использованию метода экспертных оценок и включенного наблюдения.

Вместе с тем, исследование феномена «неотрибализма» в современной этнополитической жизни проведено через анализ закономерностей формирования и функционирования политической элиты. Это потребовало привлечения теоретико-методологических выводов основателей элитологии Г. Моски (теория «правлящего класса»), В. Парето («циркуляция политических элит»), Р. Михельса («железный закон олигархии»), М. Вебера (концепция «команды» в политике и теория «рациональной бюрократии»), Р.Миллса (постулат о «властвующей элите»). Основные методы, применяющиеся элитологами и использованные автором – сравнительный анализ биографий ведущих политиков, контент-анализ их публичных выступлений и публикаций по актуальным вопросам социально-экономического и политического развития.

Эффективным оказалось использование сравнительно-правового и формально-логического методов для выявления процедур формирования органов власти и управления в зависимости от политико-правовых традиций.

Использование анкетного опроса (одного из методов социологии) позволило выявить воздействие этнического фактора на политическую культуру современной Удмуртии.

Научная новизна работы заключается в том, что это первое исследование, в котором на основе теоретического обобщения и систематизации данных о трибализме, предпринята попытка показать процесс его эволюции и трансформации в «неотрибализм», выступающий в

настоящее время сущностной основой функционирования «кланов», «каст», «клик» и аналогичных явлений политической жизни общества. На примере «неотрибализма» рассматриваются общие проблемы сохранения, адаптации, воспроизводства и инкорпорирования в «правила игры» и нормы публичной политики универсальных общественных отношений, сформировавшихся на ранних этапах человеческого развития, проявляющихся на международном, государственном и локально-региональном типологических уровнях современной этнополитической жизни.

Практическая значимость состоит в разработке нового научного термина («неотрибализм»), определении свойств и функций «неотрибализма» как социально-политического института современного общества. Систематизированные материалы и выводы автора могут быть использованы при разработке общих и специальных учебных курсов по этнографии, политической антропологии, этнополитологии. Отдельные аспекты диссертации могут быть учтены в развитии общих положений элитологии, также возможно предложение практических рекомендаций органам власти и управления при выработке и реализации кадровой и национальной политики, их оптимизации и гармонизации.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Механизмы формирования власти в традиционном и современном обществе в значительной степени совпадают. Существенное отличие заключается в том, что для традиционного общества основой властеотношений являются кровно-родственный принцип, а для современного – совокупность социально-территориальных принципов (при преобладании «земляческих», «корпоративных», «профессиональных», дружеских связей, а также отношений личной преданности);
2. Адаптация и/или инкорпорация традиционных по сути институтов власти и управления в условиях современной политической реальности – объективный естественно-исторический процесс, отражающий оптимально-универсальный алгоритм самоорганизации власти. «Неотрибализм» – своеобразная модель поведения, которую в той или иной мере воспроизводят все коллективные субъекты этнополитической жизни;
3. Коллективный характер власти делает существование «неотрибализма» неизбежным социально-политическим явлением. Для прихода во власть, а тем более ее удержания необходима постоянная поддержка лидера его окружением («политическим кланом», «кухонным кабинетом», «командой», «группой интересов»);
4. «Неотрибализм» – система универсальных норм внутри и межгруппового взаимодействия, основные принципы которой были сформулированы в период общинно-родового строя, востребованная в среде современной политической элиты.

Апробация работы. Основные идеи, выводы и положения исследования отражены в 14 публикациях и апробированы на республиканских, межрегиональных, всероссийских международных конференциях и конгрессах: «VI Российская университетско-академическая

научно-практическая конференция» (Ижевск, 2004); «Урал-Алтай: через века в будущее» (Уфа, 2005); «Наука-производство-технологии-экология» (Киров, 2005); «Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность» (Глазов, 2003); «Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан» (Уфа, 2004); «Межнациональные отношения в полиэтничном регионе» (Уфа, 2005); «Этнос-Культура-Человек» (Ижевск, 2002); «Социально-экономические и политические условия развития гражданского общества в России» (Ижевск, 2005); «VI Конгресс этнографов и антропологов России» (Санкт-Петербург, 2005); «Социальная модернизация России: итоги, уроки, перспективы» (Москва, 2005).

В структурно-композиционном плане диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы. В работе, кроме текстового материала, имеются приложения в виде схем и таблиц, иллюстрирующие основные выводы автора.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, ее теоретическая и практическая значимость, охарактеризована степень научной разработанности, определены объект и предмет, территориальные границы и хронологические рамки, сформулированы цель и задачи, методология, научная новизна и научно-практическая значимость исследования.

Первая глава **«Теоретические аспекты феномена «неотрибализма»**», состоящая из трех параграфов, посвящена теоретико-концептуальным, методологическим основам изучаемой проблемы.

В первом параграфе **«Система основных категорий»** приводится понятийно-категориальный аппарат, используемый в диссертации. Постулируются основополагающие тезисы, приводятся наиболее распространенные определения основной дефиниции (трибализм/неотрибализм), позволившие сформулировать/смоделировать следующие положения о «неотрибализме». Во-первых, трибализм/«неотрибализм» в рамках традиционного/модернизирующегося или современного демократического общества – эффективный инструмент для овладения публичной политической властью. Во-вторых, он активно культивируется в органах власти и управления, что приводит к вытеснению (с разной степенью эффективности) из политической сферы лиц, не включенных в систему «неотрибализма». В-третьих, существование этого явления в условиях современного общества связано не столько с кровнородственными отношениями, сколько с социально-территориальными факторами. По сути «неотрибализм» есть социально-политическое явление, неизбежно возникающее в процессе борьбы за власть этносоциальных групп.

Во втором параграфе **«Традиционные институты власти и управления в современном мире»** охарактеризованы классические

институты власти и управления, сохраняющиеся в современном мире, которые были актуальны не только для «догосударственного» периода истории, но и сегодня активно функционируют во властно-публичной сфере. Изыскания в сфере генезиса институтов социальной организации, как правило, проводились на материалах Африки и, отчасти, Океании, поскольку именно здесь большинство стадийно и типологически различных традиционных институтов управления и власти сохранились до настоящего времени. Интерес исследователей (см., например, работы Д.А.Ольдерогге, С.А. Токарева, Л.Е. Куббеля, В.Б. Иорданского, Р.Н.Исмагиловой, Ю.М. Кобищанова, О.С. Томановской, А.М. Васильева, В.В. Бочарова, Н.Б. Кочаковой, П.Л. Белкова, Н.М. Гиренко, Н.И. Высоцкой, Н.Д. Косухина и др.), работавших с африканскими этнографическими источниками, во многом был направлен на изучение традиционных институтов управления (племя, община, землячество) и актуальных для Африки институтов власти – вождеств и тайных союзов.

Тесным образом связанная с исследуемым феноменом племенная организация в своем развитии прошла два этапа. Более ранние, архаичные племена были аморфными, не имеющими общеплеменных органов управления. Подобная организация описана Э.Э. Эванс-Причардом при исследовании нуэров [Эванс-Причард, 1985]. Вторая форма племени как политически более интегрированная структура имела органы общеплеменной власти (народное собрание, совет старейшин, военные и гражданские вожди). Подобный тип племенной организации подробно рассмотрел в своих классических трудах Л.Г. Морган [Морган, 1934, 1983]. Родоплеменные отношения содержали в зародыше многие современные механизмы, связанные с осуществлением управления жизнью общества (регулирование общественной, религиозной, культурной жизни, хозяйственной деятельности и т.д.), обеспечивали индивиду систему определенных гарантий (социально-экономического и потестарно-политического характера). Они способствовали упорядочению и регламентации деятельности коллектива на основе своеобразного оптимума межличностных/коллективных отношений.

Община в настоящее время может представлять собой весьма сложное социальное образование: это система различных социальных групп со своими функциями и структурными особенностями, которая, в свою очередь, является элементом более широких общностей – племенных, территориально-политических, этносоциальных. Осуществляя социальный контроль и регулирование, община призвана в наибольшей степени учитывать коллективные интересы, поскольку от ее единства и сплоченности в конечном счете зависит существование и выживание составляющих ее индивидов. В современных условиях, особенно в странах «третьего мира», значительная часть населения которых связана крепкими общинными узами, она выступает тем фактором, который консервирует социальную структуру общества, но в то же время обеспечивает социальную стабильность, пусть не особенно гарантируя/стимулируя при этом динамичное поступательное развитие.

Логическим продолжением социально-экономической и политической жизни общины в современном мире стало возникновение земляческих союзов (землячеств), которые в значительной степени восполняют родственные и соседские связи и контакты, утраченные после переселения в город [Кочакова, 1978]. Землячество выступает в качестве своеобразного адаптационного механизма к специфическим условиям городской жизни, обеспечивая своим членам коллективную защиту и поддержку, организацию оптимальной культуры повседневности и духовной жизни, которой они лишаются, изменяя свое место жительства. Среди наиболее важных функций, выполняемых землячеством в развивающихся странах, обычно выделяют: протектирование членам землячества в трудоустройстве, оказание материальной помощи в тяжелых жизненных ситуациях, проведение коллективных праздников и торжеств, разрешение споров между членами, урегулирование конфликтов в соответствии с нормами обычного права, осуществление коммуникации между землячеством и общиной и др. Однако одной из самых существенных функций, осуществляемых земляческими союзами на современном этапе, стало активное участие в политической жизни общества, поскольку в его рамках осуществление мобилизации с целью поддержки политических партий и деятелей стало особенно результативным. Для современных политических деятелей земляческие союзы выступают эффективным инструментом в борьбе за власть. Земляческие (трибалистские) союзы – новообразования традиционно-общинного типа, играющие важную роль в политической жизни [Бочаров, 1990: 94].

Что касается властных институтов, то в период, предшествовавший завоеванию политической независимости, традиционные правители (вожди), благодаря колониальной администрации, получили широкий доступ к политической власти. Во время деколонизации традиционные правители высших уровней стали активно создавать политические организации, в том числе и политические партии, для борьбы за свои интересы. Однако самостоятельное участие вождей в политической жизни заканчивалось, как правило, неудачей, вело к ослаблению их престижа. Вероятно, это объясняется тем, что в традиционном сознании авторитет власти вождя (царя) обосновывался и обеспечивался верой в его сакральную способность превращать природную жизненную силу в социальные ценности. Невыполнение своих прямых сакральных функций (ритуальные запреты, обряды), снижало авторитет вождей. Возможно, в этих условиях подобная социально-политическая специализация привела к тому, что в настоящее время вожди наиболее успешно действуют в качестве своеобразных политических посредников.

Кроме вождей, значительную роль в политической жизни традиционных обществ играли и продолжают играть так называемые тайные союзы. При этом основное и первоначальное их назначение состояло главным образом в социализирующем воздействии на молодежь, однако по мере социальной дифференциации и стратификации тайные общества

превращались в «орудие господства в руках отслаивающейся верхушки общества» [Токарев, 1964: 322]. Л.Е. Куббель полагал, что тайные общества относятся к числу древнейших механизмов институализации власти [Куббель, 1988: 140-141]. Даже в условиях новых социально-экономических реалий тайные общества занимают важное место в политическом процессе, поскольку через них политические партии укрепляют свое положение в обществе, используя при этом понятные народу каналы коммуникации, символы, мифы, религиозные воззрения и т.д. Своеобразным развитием, современной метаморфозой системы тайных обществ в новых условиях стало появление студенческих тайных обществ в университетских городках.

Итак, можно сделать вывод о том, что потестарно-политические институты традиционного общества оказались поразительно адаптивными, приспособивая к современным условиям жизни свои традиционные функции, и, несмотря на кажущуюся архаичность, до сегодняшнего дня способны отвечать чаяниям и надеждам соплеменников. Справедливо отметила Р.Н. Исмагилова, что «традиционные институты, хотя и претерпели серьезные изменения, тем не менее не стали анахронизмом и являются и в настоящее время составной частью образа жизни и политической культуры практически всей Тропической Африки» [Исмагилова, 2000: 6-7].

В третьем параграфе «**«Трибализм/«неотрибализм» – потестарно-политический институт в процессе эволюции»** анализируется комплекс вопросов, связанных как с изучением трибализма, так и с его эволюционированием. Здесь основное внимание уделено существующим тенденциям, отражающим взгляды исследователей на время возникновения трибализма как этносоциального явления современности.

Одну из точек зрения наиболее полно выразил В.В. Бочаров [Бочаров, 1992], объяснявший появление трибализма активной политизацией этнического фактора, ростом этнического самосознания и обострившейся борьбой за власть в постколониальном обществе представителей различных этнических групп.

Автор диссертационного исследования разделяет вторую точку зрения [Мампуйя, 1981], согласно которой трибализм как социальный институт формируется в процессе становления общинно-родового строя и модифицируется и трансформируется в ходе всего исторического развития. Более того, предлагается рассматривать трибализм как своеобразный социально-потестарный («неотрибализм» соответственно как социально-политический) институт, который, в силу своей оптимальной адаптируемости к условиям окружающей политической действительности и на современном этапе во многом определяет как функционирование государства, так и жизнь общества и не только в странах «третьего мира».

Трибализм, по-видимому, следует считать одним из самых архаичных изобретений/инноваций эпохи первобытного социума. Этот институт в определенной степени выступает своеобразным спутником другого важнейшего социального явления – власти, без которой трибализм нельзя было бы рассматривать в его подлинном качестве. Именно в рамках

племенной социально-потестарной организации на протяжении тысячелетий апробировались различные социальные практики, часто определяющие жизнь современного человека.

В традиционном обществе трибализм выступает фактором, способствующим мобилизации представителей правящих групп, выработке и осознанию ими коллективной идентичности, сохранению традиционных каналов коммуникации и влияния. Используемые в традиционном обществе принципы социальной организации были трансформированы в тот механизм, посредством которого стала институализироваться государственная, публичная политическая власть.

Влияние классического (этноплеменного) трибализма на политическую жизнь особенно сильно проявляется до настоящего времени в политической жизни большинства стран Тропической Африки, некоторых государствах Ближнего Востока, в ряде стран Юго-Восточной Азии, бывших Среднеазиатских республиках СССР, на Кавказе и отдельных регионах РФ.

Трибализм, зародившийся в недрах первобытного общества, развивается и изменяется вместе с обществом. Эволюционное развитие трибализма особенно отчетливо проявляются в постепенной замене этнической основы его воспроизводства социально-территориальной (земляческой), «корпоративной», «профессиональной» и т.п. идентичностью, в приспособлении функций данного феномена к современным условиям – демократизации, политической модернизации и глобализации. «Неотрибализм» – объективно существующий социально-политический феномен современности, влияние которого наиболее ярко прослеживается в определённых политических ситуациях и процессах, протекающих во властно-публичной сфере.

В главе сформулированы тезисы, которые помогли обозначить и раскрыть в диссертационном исследовании основные пути проявления «неотрибализма» в современной этнополитической жизни.

1. «Неотрибализм» коренится в существующих на протяжении тысячелетий человеческой истории этносоциальных различиях, обыденным проявлением которых может выступать устойчивое, сохраняющееся противостояние в социуме по принципу «свои – чужие».

2. в этнополитической сфере эта дихотомия («мы – они», «свои – чужие») приобретает особенно важное значение, поскольку влияет на процессы, связанные с институализацией власти, формированием и функционированием политической элиты.

3. Результатом объективно существующего этносоциального неравенства выступает формирование, сохранение и устойчивое воспроизводство своеобразной этносоциальной стратификации.

Вторая глава «**«Неотрибализм» в современном этнополитическом развитии Соединенных Штатов Америки**», состоящая из двух параграфов, раскрывает воздействие этнических и конфессиональных процессов на современную политическую жизнь в США и влияние феномена «неотрибализма» на американскую политическую элиту.

В первом параграфе «**Этнические и конфессиональные аспекты политических процессов в современных США**» характеризуется этнорасовая и этноконфессиональная составляющие современных политических процессов в США, оказывающая существенное влияние на систему власти и управления современного североамериканского общества. Воздействие этнических и конфессиональных факторов на американский социум, вопреки стереотипному мышлению, является весьма значимым и ощутимым. Этноконфессиональная специфика проявляется не только в политической и экономической сферах, но также в социальной и культурной жизни.

В составе североамериканской нации исследователями (Э.Л. Нитобург, С.А. Червонная, О.В. Шамшур) выделяются наиболее крупные в расовом отношении группы населения, условно обозначаемые как «белые» (к которым относят переселенцев из Европы), «черные» (афроамериканцы) и «цветные» (выходцы из Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона, американские индейцы).

Можно констатировать, что даже в современном североамериканском обществе существует определенная, негласно соблюдаемая, иерархия этносоциальных групп. Во главе этой иерархии долгое время находились представители социального слоя, условно именуемого *wasps* (от англ. белый, англосакс, протестант) [Robertiello, 1987], символизировавшего некую систему отсчета, референтную группу в политической жизни, на которую десятилетиями равнялись иммигранты [Берзина, 1987: 355]. Среди остальных наиболее политически активных этнических групп «белого» большинства – евреи, ирландцы, поляки и армяне, общественно-политическая деятельность которых свидетельствует о наличии этнического лоббизма в этнополитической жизни США [Зяблюк, 1976, 1993, 2002].

Протекающие в США этнодемографические и этномобилизационные процессы оказывают ощутимое воздействие на всю этнополитическую жизнь. В частности, наиболее крупные этнические меньшинства США – афроамериканцы (около 32 млн.) и латиноамериканцы (около 35 млн., к 2050г., по подсчетам аналитиков [Лозанский, 2004: 41] их удельный вес в североамериканском обществе составит $\frac{1}{3}$ и достигнет 100 млн. человек) отличаются от «традиционных» (белых) избирателей поразительной активностью во время выборов в органы власти и управления на региональном и общенациональном уровнях. После получения гарантированных политических прав представители этих расовых общностей переориентировались от поддержки кандидатов ведущих политических сил к самостоятельному и весьма успешному участию в политике, чему в немалой степени способствовала «программа позитивных действий» (система преференциальных квот для представителей национальных меньшинств), действующая в США с 1961 г. В частности, в составе 108-го Конгресса США (Палата представителей) было 37 афроамериканцев и только 23 латиноамериканца, что пока не соответствует доле последних в составе населения США. Кроме того, если практически все афроамериканцы (90%)

составляют устойчивый электорат демократической партии США, то предпочтения латиноамериканцев пока еще только оформляются (45% - республиканцы, 20% - демократы, 20% - остальные партии). Этномобилизационное отставание латиноамериканцев объясняется региональным происхождением, концентрацией выходцев из разных регионов в различных штатах (мексиканские иммигранты – на Западе и Юго-западе, кубинцы – во Флориде, пуэрториканцы – в городах Северо-запада).

Спецификой этих этнорасовых общностей является высокий уровень их урбанизации и самый низкий уровень жизни. Кроме того, афро- и латиноамериканцы демонстрируют принципиальные различия в самосознании и политических предпочтениях, и исследователи указывают на существующий между ними конфликтный потенциал, особенно актуализирующийся в трудовой сфере и отношении к иммиграционным процессам [Берг, 2004]. Вместе с тем, именно эти этнорасовые группы в североамериканском обществе становятся своеобразными центрами этнополитического притяжения, что обусловлено протекающими этнодемографическими процессами.

В США, наряду с этнорасовыми различиями, значительное воздействие на политические процессы оказывают конфессиональные. Конфессиональная принадлежность этносоциальных групп современного американского общества прослеживается очень хорошо. Наиболее распространенной религией в США является христианство (протестантизм и католицизм). В составе населения количество его последователей достигает практически $\frac{3}{4}$, причем протестантами является более $\frac{1}{2}$ населения США. Католиками являются более 70% латиноамериканцев ($\frac{1}{4}$ латиноамериканцев – протестанты), и представители этнических групп из Западной и Восточной Европы. «Белые» протестанты составляют опору республиканской, «черные» – демократической партии. Католицизм, являясь религией этнических меньшинств (латиноамериканцев, ирландцев) выступал опорой преимущественно демократической партии. Однако в период президентских выборов 2004 г. политические пристрастия католиков (в первую очередь латиноамериканских избирателей) переориентировались в сторону республиканской партии [Пустоваят, 2004].

Ислам – третья по численности (после иудаизма) религия в США (мусульман в США – 2% населения). Однако исламский фактор имеет все шансы постепенно стать чрезвычайно влиятельным в политике. Американские мусульмане благодаря высокому мобилизационному потенциалу представляют серьезную политическую силу, которую уже сегодня не могут игнорировать ведущие политики страны.

Следует отметить, что этнорасовые, этносоциальные и этноконфессиональные общности в американском социуме уже оформились, в политической сфере их отличают не только представления об американском образе жизни и ценностях (наиболее характерный пример – афро- и латиноамериканцы), но и определенное противостояние по отношению к «программам позитивных действий». Кроме того, появ

объективный характер и влияние этничности, США отказались от концепции «плавильного котла», переориентировавшись на «мультикультурализм».

Во втором параграфе «Американская правящая элита в системе «неотрибализма»» рассматриваются основные аспекты формирования высших органов власти и управления США в конце XX – начале XXI вв. на примере Правительства и Администрации президентов США Дж.Г.У. Буша-старшего и его сына Дж.У. Буша-младшего.

Выделены общее и особенное в процессе образования президентского окружения в зависимости от объективных аспектов политической реальности. В частности, несмотря на свою схожесть, Правительства Буша-старшего и Буша-младшего в этнорасовом составе существенно отличаются друг от друга. В кабинете Буша-старшего из 14 министров, наряду с десятью белыми мужчинами, было только два латиноамериканца, один афроамериканец и одна белая женщина [Гарбузов, 2001: 32], а в Правительстве Буша-младшего из 14 министров – только шесть белых мужчин, две белых американки, три латиноамериканца, одна афроамериканка, японец, китайка и араб.

Одно из объяснения причин скрывается в происходящих в США этнодемографических процессах. В период президентства Дж.Г.У. Буша-старшего ведущие позиции занимали представители уже упоминавшихся *wasps*, среди которых выделяют выпускников частных школ, составляющих относительно небольшую по численности (около 10%), но очень влиятельную прослойку американской правящей элиты, условно называемую *preppies* (от англ. подготовительная школа), объединяющую выпускников частных элитных школ. Благодаря продолжению обучения в самых престижных университетах страны, входящих в так называемую «Лигу Айви» (Гарвардский, Йельский, Принстонский и др.) они делают блестящую политическую карьеру. В университетах действуют клубы и студенческие кружки, представляющие собой продолжение связей, завязанных в подготовительной школе. Как отмечает Р. Миллс, для американской правящей элиты под «настоящим» Гарвардом, Йелем, Принстоном понимается, прежде всего, существующая в них система студенческих «братств», объединяющих самую богатую и привилегированную часть студенчества [Миллс, 1959]. Культивируемый в этих обществах дух корпоративизма, взаимопомощи помогает бывшим студентам добиваться успеха в самых разных сферах жизни американского общества.

Дж.Г.У. Буш-старший – типичный представитель этого социального слоя. В бытность его президентом в его Администрации *preppies* занимали ряд ключевых позиций. К ним, в частности, относят госсекретаря Дж.Бейкера, министра финансов И.Брейди, министра торговли Р. Мосбакера, министра юстиции Р. Торнберга, директора Административно-бюджетного управления Р. Дармена, представителя США на международных переговорах К. Хиллз [Сахаров, 1989: 28].

Однако в новых условиях, вызванных существенной актуализацией этноконфессионального фактора в политической жизни США на рубеже XX

– XXI вв., в среде правящей политической элиты стали происходить перемены, отражающие тенденции этнорасового развития США. В частности, в составе Администрации и Правительства заметно возросло представительство национальных меньшинств. На ряд ключевых постов в 2004 г. были назначены латиноамериканцы – министр юстиции А. Гонзалес, министр торговли – К. Гутьерес, министр жилищного строительства и городского развития – М.Р. Мартинес, впервые в американской истории на пост госсекретаря был назначен афроамериканец К. Пауэлл (с 2004 г. этот пост был передан его родственнице по крови К. Райс). Интересно, что все они имеют тесные дружеские, экономические и политические связи с семьей Бушей. Кроме того, важные посты в Правительстве в период первого президентского срока получил ряд выходцев из Техаса. Например, в 2000 г. министром торговли был назначен Д.Л. Эванс, министром образования Р.Пейдж (с 2004 г. этот пост занимает М. Спеллингс, тоже из Техаса), министр юстиции А.Гонзалес также вырос и работал в Техасе. В то же время ряд ответственных постов в Администрации и Правительстве США, занимают представители политической элиты, прошедшие апробацию на профессиональную пригодность в Администрации отца нынешнего американского президента, переданные ему как «политическое наследство». Среди них: Э. Кард (глава Администрации президента, у Буша-старшего – министр транспорта), Р. Чейни (вице-президент, у Буша-старшего – министр обороны), К. Райс (госсекретарь, у Буша-старшего – помощник советника президента США по национальной безопасности), Дж. Болтен (помощник президента и зам. главы администрации по политическим вопросам, у Буша-старшего – курировал вопросы, связанные с международной торговлей и отвечал за взаимодействие с Конгрессом США), П. Волфовитц (заместитель министра обороны США, у Буша-старшего – заместитель министра обороны по военно-политическим вопросам), С. Хэдли (советник президента США по национальной безопасности, у Буша-старшего – помощник министра обороны США по вопросам международной политики), Р. Золлик (представитель США на торговых переговорах, у Буша-старшего – помощник министра финансов) [Гарбузов, 2001].

Совершенно очевидно, что основная масса сотрудников Администрации и Правительства США президента Дж.У.Буша-младшего, связана друг с другом не только прочными узами взаимных политических и экономических интересов, а также целым комплексом «профессиональных», «корпоративных», «земляческих» и просто дружеских связей.

Таким образом, персональный состав правящей элиты, окружающей президента США Дж.У. Буша-младшего, демонстрирует наличие в современной американской политической жизни феномена «неотрибализма», органически сочетающего в себе расовые, этнические, конфессиональные факторы. Однако в условиях современной действительности этот институт базируется, прежде всего, на общности экономических интересов представителей правящей американской элиты.

В третьей главе «**«Неотрибализм» в политической жизни СССР и России»** предпринята попытка изучения феномена «неотрибализма» в России (в том числе и в исторической динамике) на примере политической элиты советского и российского общества.

В первом параграфе «**Становление и эволюция советских правящих групп в исторической ретроспективе»** анализируются тенденции оформления партийно-номенклатурных правящих групп в СССР и РФ. Процесс их формирования начинается во 2-ой половине 1940-х гг. XX в., что объясняется как объективными, так и субъективными факторами. Особенно отчетливо изучаемый феномен проявился в формировании и деятельности высших партийно-государственных органов – Политбюро и Секретариате ЦК КПСС, отчасти в Совете Министров СССР.

В составе Политбюро в 1946 г. помимо И.В.Сталина были А.А.Андреев, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Н.С. Хрущев. В 1947 г. в состав политбюро вошел Н.А. Вознесенский, а в 1948 г. Н.А. Булганин и А.Н.Косыгин (движение политической элиты в советский период составлено по данным «Политбюро (Президиум) ЦК партии в 1917-1989 гг.: Персоналии» [1990]). Именно в этой среде и развернулась внутригрупповая борьба за власть, сложились «центры политического притяжения» на земляческой и даже этнической основе. Условно выделяются отдельные политические группы: во-первых, «кавказская» (И.В.Сталин, Л.П. Берия и А.И. Микоян), «ленинградская» (А.А. Жданов, Н.А.Вознесенский, А.А.Кузнецов, и М.И.Родионов), и своеобразная «еврейская» (Л.М.Каганович, А.А. Андреев, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов).

После смерти И.В. Сталина, при перераспределении власти между членами Политбюро, были сформулированы негласные принципы «коллективного руководства», однако деятельность Л.П. Берии привела к пересмотру прежних договоренностей и формированию новой правящей группы во главе с Н.С. Хрущевым, который сумел отстранить своего основного конкурента Г.М. Маленкова от партийных и государственных должностей. Н.С. Хрущев стал реформировать свое окружение, опираясь на введенных им в состав Политбюро ЦК своих «земляков» по компартии Украины Л.И. Брежнева, А.И. Кириченко, М.А. Суслова. Возможно, благодаря этому Н.С. Хрущеву вскоре удалось удалить из большой политики очередную «антипартийную группу» Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, В.М.Молотова, К.Е. Ворошилова и Н.А. Булганина.

Н.С. Хрущева, вероятно, можно считать первым советским политическим лидером, который основал относительно устойчивую правящую группу. Сторонники Н.С. Хрущева – А.Б. Аристов, Н.И. Беляев, Л.И. Брежнев, Н.Г. Игнатов, Ф.Р. Козлов, О.В. Куусинен, М.А. Суслов, Е.А.Фурцева, Н.М. Шеверник, были введены в состав Президиума ЦК КПСС.

Однако со временем деятельность Н.С. Хрущева на посту главы партии и государства перестала отвечать интересам стоявшей за ним советской

номенклатурной элиты. В итоге от него отвернулись даже его выдвиженцы и ставленники, на понимание и поддержку которых он, конечно, рассчитывал.

В результате заговора, инициированного А.Н. Шелепиным, В.Е. Семичастным, Н.Г. Егорычевым, Л.И. Брежневым и Н.В. Подгорным, Н.С. Хрущев в 1964 г. был снят со всех постов и его место занял Л.И. Брежнев – глава новой «партийной трибы».

При Л.И. Брежневе высшая партийная номенклатура пополнилась новыми людьми. Среди них значительную когорту, во-первых, составляли сослуживцы Л.И. Брежнева по его партийной работе на руководящих должностях на Украине (с 1946 по 1950 г.), Молдавии (1950 – 1952 г.), Казахстане (1954 – 1956 г.), во-вторых, за счет той советской номенклатуры, с которой он взаимодействовал, возглавляя в 1953 – 1954 гг. Главное политическое управление Советской Армии и Военно-морского флота, и работая с 1956 г. в секретариате ЦК КПСС. Среди бывших сослуживцев Л.И. Брежнева по Украине: А.П. Кириленко, Н.А. Тихонова и В.М. Чебрикова, по Молдавии: К.У. Черненко, по Казахстану: М.С. Соломенцев и Д.А. Кунаев. Возможно, что появление во власти А.А. Гречко и Д.Ф. Устинова было связано как с работой в политическом управлении, так и с партийной карьерой в ЦК партии. По партийной линии в состав «команды Л.И. Брежнева» вошли такие крупные политики советской эпохи, как Ю.В. Андропов, Ф.Д. Кулаков, Б.Н. Пономарев, А.А. Громыко, Г.В. Романов.

После смерти Л.И. Брежнева доступ к власти получили его наследники – Ю.В. Андропов и К.У. Черненко. В период их непродолжительного правления оформились условия для прихода к власти М.С. Горбачева.

Реформирование всех сфер жизни советского общества при М.С. Горбачеве привело к значительным кадровым переменам во власти. Опираясь на поддержку своих земляков и единомышленников, новый лидер стал формировать свою группу, в состав которой вошли Е.К. Лигачев, Г.П. Разумовский, Н.И. Рыжков, В.М. Чебриков, А.Н. Яковлев, В.И. Болдин, Н.Б. Биккенин, В.А. Медведев, А.И. Лукьянов, И.Т. Фролов, Г.Х. Шахназаров, А.С. Черняев. В 1985 г. в Москве, благодаря протекции Н.И. Рыжкова, оказался Б.Н. Ельцин. Однако сложность и неоднозначность переходного периода привели к потере М.С. Горбачевым единственной к концу своего правления опоры – партийно-номенклатурной.

Б.Н. Ельцин – первый президент РФ, своим приходом к власти, как и его предшественник, был обязан партийно-номенклатурным связям. Период правления Б.Н. Ельцина наглядно демонстрирует эволюцию его окружения, вначале основывавшихся на социально-территориальном/ «земляческом» и «демократическом» принципах, позднее трансформировавшихся в самый проверенный и надежный – кровно-родственный, неслучайно широкое хождение получил термин «семья» в отношении окружения Б.Н. Ельцина. Можно условно выделить этапы становления его окружения: с 1985 по 1991 г. до избрания на пост президента; второй следует подразделить на два с 1991 по 1993 и с 1993 по 1996 г., третий – с 1996 по 2000 г. На первом этапе он широко опирался на своих земляков – Г.Э. Бурбулиса, В.В. Илюшина,

В.Б.Исакова и др. Однако, став публичным и весьма амбициозным политиком, он избавился от своего бывшего окружения, приспособившись к новой политической реальности. Тогда в его «команду» вошли А.А. Собчак, Е.Т. Гайдар, А.Б. Чубайс, М.Н. Полторанин, Э.А. Памфилова, Ю.В. Скоков, Г.Х. Попов, А.В. Рудкой, Г.В. Старовойтова, С.М. Шахрай, А.В. Козырев, О.Н. Сосковец, В.С.Черномырдин, А.В. Коржаков, Б.А. Березовский, В.Б.Юмашев и др. На последнем этапе окончательно определяется состав «семьи» Б.Н. Ельцина, ключевые политические решения начинает принимать его дочь Т.Б. Дьяченко и ее супруг В.Б. Юмашев.

Таким образом, советский и начальный период российской истории имеют отчетливый партийно-номенклатурный отпечаток, демонстрируют воздействие «неотрибализма», определявшего лицо советской партийно-хозяйственной и «молодой» российской правящей элиты и ощутимо влиявшего на политическую действительность. Показательно, что в советский период широко использовались «земляческие» и даже этнические принципы при формировании органов власти и управления. Период правления Б.Н. Ельцина демонстрирует различные тенденции, однако основная – возвращение к «земляческим» и кровно-родственным факторам в процессе становления новой власти.

Во втором параграфе «**«Ленинградское/питерское землячество» в политической жизни современной России»** освещается процесс становления правящей элиты современной России. Отмечается, что образование «ленинградского землячества» в высших органах власти и управления РФ берет начало еще в середине 1990-х гг. Именно в период роста этой новой правящей группы феномен «неотрибализма» стал очевидным социально-политическим явлением.

Сделаны основные предположения, объясняющие некоторые закономерности появления «ленинградского землячества» в высших органах власти и управления РФ. Как отмечалось ранее, значительную политическую поддержку Б.Н. Ельцину оказали А.А. Собчак и А.Б. Чубайс. Последнему, благодаря руководству ключевым государственным комитетом, ведавшим распределением госсобственности, и Администрацией президента РФ, удалось создать условия для прихода в структуры федеральной власти своих земляков-ленинградцев. Отмечается, что А.Б. Чубайс способствовал появлению А.Л. Кудрина (министра финансов в Правительстве РФ) на посту главы ГКУ Администрации президента РФ (не удивительно, что вскоре после перевода в Москву эту должность занял В.В. Путин). Однако с течением времени А.Б. Чубайс оказался в стороне от использования «ленинградского» фактора и «ленинградское землячество» ощутило свою политическую самостоятельность, особенно после избрания в 2000 г. В.В.Путина президентом РФ.

Формирование «ленинградского землячества» растянулось на несколько лет (с 2000 по настоящее время) и процесс этот, кажется, далек от завершения.

Анализ состава Администрации президента и Правительства РФ убедительно демонстрирует приоритетность при прочих равных «земляческого» фактора при назначении на ключевые государственные посты. В частности, земляки президента по Ленинграду занимают посты помощников (А.Д. Беглов, В.П. Иванов) и советников (Ю.К. Лаптев, А.Н. Илларионов) в Администрации президента РФ, четверо возглавляют федеральные округа (ЮФО – Н.Д. Козак, ПФО – А.В. Коновалов, С.-З. ФО – И.И. Клебанов, ЦФО – Г.С. Полтавченко), управляют делами президента (В.И. Кожин).

В Правительстве РФ, структура и состав которого определяются президентом, представители «ленинградского землячества» занимают посты глав министерств, федеральных служб и агентств, руководителя Аппарата Правительства РФ. Например, должности вице-премьеров занимают бывший руководитель Администрации президента РФ Д.А. Медведев и министр обороны С.Б. Иванов, министром финансов является А.Л. Кудрин, министерством экономического развития и торговли руководит Г.О. Греф, министерством информационных технологий и связи - Л.Д. Рейман, министерством образования и науки - А.А. Фурсенко, министерством регионального развития – В.А. Яковлев, министерством транспорта – И.Е. Левитин и т.д.

Кроме того, представителями «ленинградского землячества» являются председатели Совета Федерации (С.М. Миронов) и Государственной Думы (Б.В. Грызлов) Федерального Собрания РФ, руководители Центрального Банка РФ (С.М. Игнатьев) и Счетной Палаты РФ (С.В. Степашин), а также председатель Высшего Арбитражного суда РФ (А.А. Иванов).

Вышеизложенное убедительно свидетельствует о том, что феномен «неотрибализма» стал органичной частью внутривластной жизни России, распространившись не только на органы исполнительной, но также законодательной и судебной власти.

Четвертая глава **«Неотрибализм» в многонациональном регионе РФ (на примере Удмуртской Республики)** посвящена рассмотрению «неотрибализма» в многонациональном регионе РФ (на примере Удмуртии) и состоит из двух параграфов.

В первом параграфе **«Современная этнополитическая ситуация в Удмуртии»** этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике анализируется в двух аспектах – историко-этнографическом и этнополитическом, с использованием результатов этносоциологического исследования.

Историко-этнографический блок включает в себя информацию об этносоциальной структуре Удмуртской Республики, составе и типах этносреды, особенностях удмуртской ментальности (включая стереотипы и представления удмуртов, систему ценностей и ориентаций, в том числе отражающихся и в политической сфере, а также проблему лидерства и лидеров у удмуртов в традиционном обществе и на современном этапе). Современная этносоциальная структура населения УР сформировалась в

течение XX в., причем по результатам переписи 2002 г. удмуртский этнос демонстрирует тенденцию к сокращению (с 30,9% до 29,5%.) в то время как доля русских увеличилась с 58,9% до 60,1%, татар с 6,9% до 7,0%.

Социальные характеристики удмуртского этноса позволяют говорить о том, что он наименее урбанизированный и во многом сохраняющий традиционные характеристики, поскольку 55,7% удмуртов проживают на селе. Село в современной Удмуртии остается основным центром воспроизводства этничности. Для удмуртов в целом остается характерен традиционализм/консерватизм, выступающий стабилизирующим политическую жизнь республики фактором, о чем свидетельствуют, особенно на общем фоне социального безразличия и абсентеизма, повышенная электоральная активность и электоральная поддержка действующей власти. Выделенные исследователями (М.Н. Губогло, К.И.Куликов, С.К. Смирнова, Л.С. Христолюбова) шесть типов этносреды в Удмуртии демонстрируют ощутимые различия в электоральном поведении при голосовании на выборах в ГД ФС РФ в декабре 2003 г.

Значительное воздействие на политическую культуру в Удмуртии оказывает удмуртская ментальность, для которой и сейчас актуальны ставшие хрестоматийными терпеливость, политическая дисциплинированность, проявляющиеся в гипертрофированной толерантности, вызванной, вероятно, утратой культуры «позитивного противодействия» иноэтничному, не всегда благоприятному влиянию. «Удмурт стремится к бесконфликтному положению в системе мира, стремится не изменять устоявшихся связей и отношений, что приводит его к зависимости от своего этносоциального окружения. В то же время он постоянно возвращается в область внутренних переживаний и самооценок, так как ему важно осмыслить свое положение, свои действия в системе межличностных отношений» [Петров, 2002: 132]. В результате в политической сфере характерные для удмуртов установки на терпимость, согласие отражаются в распространенных у значительной части удмуртского этноса представлениях о необходимости сохранения хрупкой стабильности в отношениях между удмуртским этносом и властью. Это усугубляется еще и тем, что у удмуртского этноса практически не сформировался институт политического лидерства, тесно сопряженный с осуществлением властных функций в обществе. После присоединения к России и устранения феодальной верхушки общества, роль своеобразных традиционных лидеров в удмуртском обществе выполняли *ткро*, *вксясь*, *туно*, *кузёос*, *узырьёс*, *толшакъёс* [Шкляев, 1992, 2003], чья организующая и руководящая роль ограничивалась рамками отдельной общины или даже семьи, религиозными или хозяйственными функциями. Институт общенационального лидерства так и не сформировался, что особенно отчетливо проявилось в деятельности удмуртского национального движения, подробно проанализированного в фундаментальной монографии С.К.Смирновой [Смирнова, 2002].

Этнополитический и отчасти правовой аспекты современной этнополитической ситуации тесно связаны с трансформацией удмуртской

государственности на современном этапе, этническим представительством в органах власти, становлением и развитием национальных движений в Удмуртии, сложившейся этносоциальной стратификацией и ролью удмуртской элиты в этнополитической жизни УР. Кроме того, в этой сфере проявляется специфика отношения различных этнических групп к органам власти Удмуртии, гарантированности прав национальных меньшинств и т.д. Результаты проведенного этносоциологического исследования [2005], носящие пилотажный характер, свидетельствуют о том, что среди основных этнических групп удмурты отличаются повышенной электоральной активностью при выборах в республиканские органы власти. В выборах президента УР в 2004 г. приняли участие 69,23% удмуртов, 54,83% русских и только 48,71% татар, в выборах депутатов Государственного Совета (ГС) принимали участие 52,56% удмуртов, 40,54% русских и 30,77% татар. Для удмуртов характерен самый низкий уровень абсентеизма (никогда не участвовали в выборах президента УР 15,83% русских, 10,26% татар и 8,97% удмуртов, а в выборах депутатов ГС УР 22% русских, 15,38% татар и 10,26% удмуртов). Эти данные убедительно подтверждают предположения о существенном влиянии удмуртского этноса на внутриполитическую стабилизацию политической жизни в Удмуртии.

Однако, несмотря на значительную электоральную активность, представительство удмуртов в органах власти и управления стремительно сокращается. Если в 1995 г. в составе Государственного Совета УР их было 16%, то в 1999 г. – 11%, а с 2003 г. – только 6% (в то время как русские в Государственном Совете созыва 2003 г. составляют 74%, а татары – 11%). По результатам исследования, на вопрос о том, должны ли места в Государственном Совете УР распределяться пропорционально численности каждого этноса, «безусловно да» и «да» сказали 53,84% удмуртов, 23,08% татар и 22,77% русских; «скорее нет» и «безусловно нет» - 64,1% татар, 63,7% русских и только 35,9% удмуртов. Очевидно, что отношение к проблеме этнического представительства далеко неоднозначное, однако удмурты проявляют в этом вопросе большую озабоченность, что свидетельствует о необходимости принятия своевременных политических решений и дополнительных мер, направленных на выравнивание представительства в органах власти и управления Удмуртии для предотвращения потенциальной межнациональной напряженности в этом вопросе. В этой связи весьма уместным кажется разработка и реализация в Удмуртии этнополитического аналога американской «программы позитивных действий».

Во втором параграфе **««Неотрибализм» и формирование политической элиты в УР»** освещаются основные вопросы, связанные с влиянием «неотрибализма» на формирование современной политической элиты в Удмуртии. Современная элита в Удмуртии возникла в результате трансформации советской партийно-хозяйственной номенклатуры. Существенное воздействие на изменение количественного и качественного состава республиканского «правлящего класса» оказало, вероятно,

противостояние в 1990-1995 гг. этнической/национальной (удмуртской) элиты и того социального слоя, который условно именуется в исследовании «глазовской» группой. Выделяются основные этапы ее становления: первый этап – 1990-1995 г. – этот период, начинающийся с принятия Декларации о государственном суверенитете УР и заканчивающийся выборами реформированного Государственного Совета Удмуртии, можно охарактеризовать как время трансформации удмуртской государственности (обновление и реструктуризация органов власти и управления), время вхождения в республиканскую власть «глазовской» группы. Второй этап – 1995-2000 г. – связан с избранием на высшую государственную должность (председатель Государственного Совета УР) в парламентской республике А.А. Волкова и его победой на выборах в октябре 2000 г. Для этого этапа характерен временный альянс «глазовской» группы с некоторыми представителями удмуртской политической элиты, утверждение ее представителей в структуре республиканской власти, борьба за новые электоральные ресурсы, которая успешно закончилась избранием А.А.Волкова президентом УР. Третий этап – с 2000 г. по настоящее время – оформление «глазовской» правящей группы, выстраивание республиканской вертикали власти.

Показательно, что наиболее успешные представители удмуртской политической элиты – В.К. Тубылов и П.Н. Вершинин – практически не проводили активной кадровой этнополитики в органах власти и управления, несмотря на то, что имели фактическую возможность принимать эти решения после прихода во власть, почти все 1990-е гг., они оставляли этот вопрос без должного внимания. По этой причине, вероятно, их претензии на этнополитическое лидерство в рамках Удмуртии оказались несостоятельными, поскольку не были подкреплены с их стороны реальными кадровыми назначениями, которые могли бы кардинально упрочить их позиции во власти и обеспечить доступ к необходимым ресурсам. Кроме того, существенную роль сыграло противостояние локальных групп удмуртов (своеобразных «микротриб») по территориальному признаку, социально-профессиональным свойствам и субъективно-конъюнктурным характеристикам.

Удмуртской спецификой «неотрибализма» стала, вероятно, неспособность/невозможность воспроизведения даже отдельных его аспектов в силу слабости социально-экономических и политических позиций, утраты на современном этапе веры в свои объективные политические возможности, несмотря на реальные электоральные ресурсы.

Прямо противоположным примером является эволюционирование «глазовской» группы, которая в отличие от «удмуртской» максимально использовала весь имеющийся потенциал для утверждения на высших руководящих постах, совершая иногда тактические ошибки (феномен Н.А.Ганзы), но выигрывая в стратегическом плане. С «глазовской» правящей группой тесно связаны практически все ведущие политики и самые влиятельные представители бизнес-сообщества современной Удмуртии. В

частности: председатель Правительства УР Ю.С. Питкевич, руководитель Администрации Президента и Правительства УР А.П. Горяинов, министр имущественных отношений С.П. Кассихин, представитель УР в Совете Федерации В.Г. Хорошавцев, руководитель Администрации г. Ижевска А.А. Ушаков и др. В состав «глазовской» группы входят некоторые представители удмуртского этноса – председатель ГС УР И.Н. Семенов, зам. председателя Правительства УР В.П. Невоструев, министр национальной политики В.Н.Завалин.

Таким образом, можно говорить о существовании в этнополитической жизни Удмуртии на рубеже XX и XXI вв. феномена «неотрибализма», свидетельством чего является оформление «глазовской» группы, определяющей этнополитическое и социально-экономическое развитие современной Удмуртии.

В **Заключении** подводятся общий итог проведенного исследования, сформулированы основные выводы, представлена совокупность аргументов, объясняющих существование «неотрибализма» в условиях современности. Анализ всех без исключения органов власти и управления свидетельствует не только о сохранении, но и широком использовании традиционного по сути механизма формирования современной власти. Истоки «неотрибализма» явления восходят к открытой Л.Г. Морганом родоплеменной организации, в рамках которой сформировались важнейшие оптимальные элементы внутригрупповых взаимоотношений. Однако следствием этого явилось и сохранение ставшего перманентным противостояния «своих» и «чужих» в контексте современной этнополитики. Воздействием «неотрибализма» может быть объяснено частое возведение корпоративных интересов, воли, ценностей и удобных для правящих групп «правил игры» в ранг общеобязательных. Вместе с тем, высокая степень внутренней консолидации, взаимное протектирование, атмосфера доверия и поддержки способствуют более продуктивному «коэффициенту полезного действия», обеспечивая успешность группы в процессе институализации власти в период ее восходящей «фазы развития».

«Неотрибализм» не следует рассматривать как анахронизм, случайно возникающий в жизни отдельных социально-политических организмов. Основы институтов власти и управления, механизмы формирования которых сложились еще в период общинно-родового строя, испытанные и апробированные за тысячелетия своего существования, даже сегодня продолжают оставаться актуальными и востребованными в сфере социальной организации, модифицируясь и трансформируясь вместе с развитием самого общества. Разумеется, трансмиссия этих институтов может происходить не столько в первозданном виде, сколько обогащенная опытом прошедших веков и современности, сохраняя при этом свои сущностные начала.

Существование «неотрибализма» во многом обусловлено выполняемыми им функциями (инструментальной, интегрирующей, регулирующей, покровительства/защиты) в среде правящих групп, без наличия которых само их существование вряд ли возможно.

Таким образом, «неотрибализм» – система общественных отношений, сохраняющих и воспроизводящих в условиях современной действительности присущие родовому обществу универсальные принципы социальной организации, возникающие на основе естественного противопоставления «мы – они», «свои – чужие», которые закономерно воспроизводятся в стереотипах и социальных практиках межгруппового взаимодействия, особенно заметно проявляясь в деятельности политической элиты.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Тенсин, М.В. Феномен «неотрибализма» в современной этнополитической жизни Соединенных Штатов Америки // Этнос-Культура-Человек: сб. мат. междунар. науч. конф. – Ижевск: АНК, 2003 – С. 337-349
2. Тенсин, М.В. Удмурты в политике // Свое дело. Ижевск, №6, 2003. – С.9
3. Тенсин, М.В. Новое Федеральное Собрание – новая Россия? // Своё дело. Ижевск, № 7, 2003. – С. 5-6
4. Тенсин, М.В. Электоральный сюрприз // Своё дело. Ижевск, №2, 2004. – С. 26-27
5. Тенсин, М.В. Этническая среда как один из факторов современной политики в Удмуртской Республике (к вопросу об этнической специфике электорального поведения) // VI российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Мат. конф. Ч.1. – Ижевск, 2004. – С. 87-89
6. Тенсин, М.В. «Неотрибализм» в контексте процессов глобализации и модернизации современного общества // Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан: Мат. межрегион. научн.-практ. конф. – Уфа: Информреклама, 2004. – С. 296-301
7. Тенсин, М.В. «Неотрибализм»: феномен – теория – практика // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность: Мат. межрегион. научн.-практ. конф. / Глазовский гос. пед. ин-т. – Глазов, 2005. – С. 29-30
8. Тенсин, М.В. Этнический фактор в политическом процессе Удмуртской Республики (на примере выборов в органы власти УР) // XXI IFUSCO Finno-Ugric Students Conference: Abstracts / Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2005. – С. 187-188
9. Тенсин, М.В. Проблемы российского федерализма в контексте вызовов современности // Всероссийская научно-техническая конференция «Наука-производство-технологии-экология»: Сб. мат.: В 6 т. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2005. – Т. 4. ГФ. – С. 144-146
10. Тенсин, М.В. Этнос и Власть: тактика конфликта или стратегия партнерства? (к постановке проблемы) // [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Социально-экономические и политические условия развития гражданского общества в России. Межд. научн.-практ. конф. – Ижевск, 2005. (CD-ROM).

11. Тенсин, М.В. Традиционные механизмы формирования власти в современном мире (к проблеме неотрибализма) // Урал-Алтай: через века в будущее: Мат. Всерос. научн. конф. – Уфа: Гилем, 2005. – С. 272-273
12. Тенсин, М.В. Политико-правовые аспекты формирования национальной политики в современной России: к вопросу о проблемах и перспективах // Межнациональные отношения в полиэтничном регионе: проблемы и пути оптимизации: Мат. межрегион. научн.-практ. конф. – Уфа: Информреклама, 2005. – С. 83-84
13. Тенсин, М.В. «Неотрибализм» как идентичность // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 515
14. Тенсин, М.В. Проблема влияния «неотрибализма» на процессы социально-политической модернизации // Социальная модернизация России: итоги, уроки, перспективы: Мат. V Междунар. социального конгресса 25-26 ноября 2005 года в 2-х томах. – М.: Издательство РГСУ «Союз», 2005. – Т.1. – С. 185-186